

СОДЕРЖАНИЕ

«Облачите меня в эзову робу»	5
Глава I. Москва в конце 40-х — начале 50-х годов.....	9
Глава II. Будущие священники в Сибири	20
Глава III. Возвращение в Москву	33
Глава IV. Катастрофа.....	50
Глава V. Страсти вокруг Ватиканского Собора	63
Глава VI. Церковная Москва начала 70-х годов.....	80
Глава VII. Переломный год	115
Глава VIII. Трагедия протоиерея Всеволода Шпиллера	128
Глава IX. События в далеком Найроби	145
Глава X. Христианский комитет защиты прав верующих	155
Глава XI. Расцвет правозащитного движения.....	172
Глава XII. Проникновение в Совет по делам религий.....	188
Глава XIII. Разгром правозащитного движения	203
Глава XIV. Суд.....	219
Глава XV. Лагерь и ссылка.....	231
Глава XVI. Юбилейные торжества.....	249
Глава XVII. Поместный Собор РПЦ 1990 года.....	260
Глава XVIII. После Поместного Собора.....	279

Содержание

Глава XIX. Августовский путч.....	292
Глава XX. Возникновение раскола на Украине	311
Глава XXI. После распада империи	320
Глава XXII. Октябрьский мятеж.....	332
Эпилог	340
Примечания	349

«ОБЛАЧИТЕ МЕНЯ В ЗЭКОВУ РОБУ»

Вокруг имени священника Глеба Якунина еще при жизни клубилось немало легенд самого разного свойства. Более всего — неосновательных. Хотя с друзьями он был человеком открытым, для посторонних, особенно церковных и сугубо православных, всегда оставался загадкой. Быть может, поэтому о нем ходили самые нелепые слухи. Часть из них фабриковалась в недрах КГБ и даже озвучивалась в советской прессе. Были два автора — журналист Анатолий Белов и кадровый чекист Андрей Шилкин, которые выпускали — и не одним, а тремя — изданиями на протяжении нескольких лет пасквильный томик «Диверсия без динамита» тиражом по сто тысяч экземпляров, в котором отцу Глебу отводилось немало страниц. Не нравился он этому заведению и его сотрудникам. Правда, он не обращал внимания на заказных писак. Что касается его критической позиции по отношению к Русской Православной Церкви, хочу напомнить мысли католического богослова Романо Гуардини: «Кто хочет говорить о смысле Церкви, тот должен говорить и о Ее недостатках. Церковь не свободна от влияния трагизма всего человеческого в том смысле, что ее безусловные ценности связаны с человеком и тем самым с его несовершенством»¹.

Наша дружба длилась сорок лет и не была омрачена ничем, несмотря на разность позиций по отношению к Церкви. Я разделял многие его критические взгляды на историю РПЦ советского и постсоветского периода, но всегда оставался в лоне Церкви. Я считал, что его правозащитная деятельность советского периода была необходима и всячески, в меру сил и возможностей, помогал ему. Его попытка создать альтернативную Церковь в России была мне чужда. По моему мнению, раскол вреден, поскольку обескровливает Церковь. Раскол всегда ведет к дроблению, а не к консолидации. Это противоречит заповеди Христа о единстве Его учеников. Об этом

писал священник Георгий Флоровский: «Ибо раскол в Церкви есть всегда нечто противоречивое и противоестественное, парадокс и загадка. Ибо Церковь есть единство ...Раскол, напротив, есть уединение, обособление, утрата и отрицание соборности. Дух раскола есть прямая противоположность церковности»². Важно знать историю Церкви, чтобы понимать — во все времена Она была далека от совершенства. Более того, в различные исторические периоды Церковь часто отступала от заветов Христа.

Поэтому в XX столетии так остро встал вопрос об экклезиологии — богословской науке, изучающей природу и свойства Церкви. Что есть Церковь? Только ли социальный институт или же, напротив, глубинная жизнь, проявляющаяся в Ее таинствах и святых, которые сияли во все времена? Подобно Ее основателю, согласно Халкидонскому догмату, в Ней различаются две природы — человеческая и Божественная, которые соединены нераздельно. Человеческая природа Церкви несовершенна. Немало было в истории «разбойничьих соборов, разбойничьих патриархов и пап». Власть, полученная преемниками апостолов, слишком часто употреблялась ими не во благо Церкви. Как любая власть она развращает человека. И он не всегда способен достойно нести этот крест. Эту мысль очень тонко выразил преподобный Исаак Сирин: «Нет человека, который, приняв власть, остался бы без изменения».

Работая над биографией отца Глеба, я не мог не коснуться истории Демократического движения в СССР, поскольку он был активным его участником и лично связан со многими диссидентами. Но, понимая, что эта тема довольно обширная, вынужден был ограничиться наиболее важными событиями, сыгравшими свою роль в становлении и развитии взглядов опального священника. Тем более, что уже издано немало архивных материалов, помогающих осмыслению возникновения и развития Демократического движения³. Оглядываясь назад, анализируя события недавнего прошлого, понимаешь, как много значили для верующих личности священников, противостоявших разгулу безбожия — архимандритов Тавриона (Батозского), Серафима (Тяпушкина), Иоанна (Крестьянкина), священников Александра Меня, Глеба Якунина, Сергия Же-

лудкова, Николая Гайнова, Владимира Смирнова, Дмитрия Дудко, Александра Егорова и многих других.

Сегодня, когда все чаще раздаются ностальгирующие голоса, превозносящие власть большевиков, которые якобы пеклись о нуждах народа, важно напоминать о человеконенавистнической природе коммунистической власти. Необходимо напомнить, что Русская Церковь была полностью представлена в Демократическом движении. Деятельность двух священников — Сергия Желудкова и Глеба Якунина, а также мирян — Анатолия Краснова-Левитина и Бориса Талантова, погибшего в лагере, — наиболее яркое проявление противостояния российских православных христиан богоборческой власти. Не следует забывать и о противостоянии российского епископата, признанным лидером которого был исповедник и мученик архиепископ Ермоген (Голубев). Все они мужественно противостояли гонениям, обличая неправду богоборческого режима. Деятельность священника Глеба Якунина совпала по времени с важными событиями. Первое — решение Священного Синода РПЦ 1961 года о лишении священника права участвовать в жизни прихода. Второе — решение Синода о вступлении РПЦ во Всемирный Совет Церквей. И, наконец, третье — открытие в 1962 году II Ватиканского Собора, кардинально изменившего жизнь Католической Церкви. 60-е годы оказались своеобразным «осевым временем», когда веяние Святого Духа существенно изменило жизнь людей как на Востоке, так и на Западе.

И все-таки наиболее весомую долю в разоблачении той лжи о положении РПЦ в послевоенный период, которую распространяли не только официальные советские чиновники, но и ряд церковных иерархов, внес священник Глеб Якунин. В 1979 году ему удалось добыть секретные отчеты заместителя председателя Совета по делам религий Василия Фурова перед ЦК КПСС и предать их гласности. Поразительно его бесстрашие — он прекрасно понимал, что может принять мученическую смерть, но это не остановило его. До сих пор «фуровские» отчеты остаются основополагающими документами, свидетельствующими о рабском положении РПЦ в советский период. Ни один из светских или церковных исследователей не вправе игнорировать их, рассматривая положение Русской

Церкви в советский период. В судьбе отца Глеба эти отчеты сыграли спасительную роль и смягчили, помимо желания властей и прокуратуры, приговор суда в августе 1980 года.

Он не был идеалистом, оторванным от реальной жизни, часто шел наперекор обстоятельствам. Я сознательно не касаюсь периода его жизни, когда он трудился над созданием АПЦ... Судьба и история созданной им Апостольской Церкви достаточно точно описана священником Павлом Бочковым в его пятитомном исследовании⁴. Для того чтобы уяснить масштаб личности отца Глеба и его место в истории, автор счел необходимым сделать небольшой исторический экскурс в годы его юности, в недавнее прошлое исчезнувшей страны, коммунистической империи, вошедшей в историю под аббревиатурой СССР.

Приношу благодарность тем, кто помогал мне в работе над этой книгой — прежде всего мамушке Ираиде Якуниной и ее дочерям — Марии Беловой и Анне Якуниной. Другьям отца Глеба — Виктору Андрееву, Павлу Меню и Льву Пономареву. А также немалую помощь своими соображениями оказал мне художник Анатолий Ракузин (Париж). Отдельные главы этой книги публиковались на сайте Кредо-пресс. Приношу благодарность главному редактору сайта Александру Солдатову. Первую редактуру провела студентка Литературного института Мария Лаврова. Без их помощи эта книга не могла бы появиться.

МОСКВА В КОНЦЕ 40-х — начале 50-х годов

Глава I

После кровавых экспериментов большевиков, развязавших в 1917 году Гражданскую войну, а затем спровоцировавших страшный голод 1921 года, после так называемых «чисток» и «большого террора» конца 30-х годов, организованных Сталиным, СССР напоминал огромное кладбище, по которому бродили как тени миллионы выживших заключенных и тех, кто еще пользовался призрачной свободой. Люди в этой стране не жили, а выживали. Победа во Второй мировой войне распахнула на несколько лет перед выжившими советскими солдатами и офицерами «железный занавес». После окончания войны они возвращались домой другими людьми. Солдаты везли часы и вещи, генералы — награбленный антиквариат и полотна великих художников, а кто-то из офицеров — запрещенные в СССР книги эмигрантских мыслителей и поэтов. Тогда многим казалось, что жизнь в стране должна кардинально перемениться. Но этого не произошло. Хотя неприметно менялась атмосфера советской жизни. Начали появляться кружки молодежи, которые, отвергнув догмы марксизма-ленинизма, искали смысл жизни. В послевоенной Москве из-под прилавков букинистов еще можно было приобрести полное собрание сочинений Владимира Соловьева, дореволюционные издания Сергея Булгакова, Николая Бердяева, Петра Струве и других мыслителей русского религиозного ренессанса начала XX века.

Но политика террора против собственного народа продолжалась. Аресты уже не были такими массовыми, как в конце 30-х годов, но все равно не прекращались. В 1953 году, после того как умер Сталин, запахло переменами. После его смерти сначала немного, потом все чаще начали освобождать из лагерей и тюрем невинно осужденных людей. Были расстреляны чекистские палачи, занимавшие долгие годы ключевые посты в руководстве СССР — Берия, Абакумов, Рюмин, Меркулов.

Виктор Красин и Петр Якир

XX съезд КПСС, на котором Никита Хрущев развенчал культ личности Сталина, стал знаком того, что в стране начались долгожданные перемены. Всемирный фестиваль молодежи, прошедший в 1957 году в Москве, стал еще одной освежаю-

щей струей воздуха, своеобразным призывом для мыслящей молодежи к творчеству и свободе. Начали появляться полуперсональные литературные и художественные кружки, участники которых понимали, что их творчество не имеет шансов на публикации в официозных изданиях или же на участие в художественных выставках. Тем не менее, они продолжали творить, ища новые пути в искусстве.

Еще раз вернемся к концу 40-х годов, вспоминая тех первопроходцев, которые пытались осмыслить происходящее в СССР вне рамок официальной пропаганды и, найдя свое место в жизни, изменить ее. Характерным для этого времени было дело «Кузьмы» — Анатолия Ивановича Бахтырева (1928–1968). Его жизнь поначалу — обычная судьба советского мальчика. Отца потерял в раннем детстве. В начале войны был эвакуирован вместе с матерью. В 1943 году вернулся в Москву. Окончил школу-семилетку. Зимой 1946 года умерла мать. Он поступил проводником на железную дорогу. У него была своя комната, и это многое определило в судьбе компании молодежи, которая собралась около него. Дочь одного из участников кружка, Ильи Шмаина, Анна Великанова-Шмаина вспоминала: «У него можно было ночи напролет беседовать о возвышенном. В то время как у других были родители, они могли поинтересоваться: «Не пора ли спать? Не пора ли в школу?» Когда я просила отца описать, в чем был главный дар Кузьмы, папа сказал: «Он владел сократовским методом, как Сократ». То есть, он вызывал человека из себя. Среди множества его дарований выделялось одно — он был гениальный педагог. В его присутствии любой человек становился собой и обретал свободу»¹.

*Бракосочетание Льва Регельсона и Людмилы Ивановой.
Крайний справа — Феликс Карелин*

В 1948 году Бахтырев был призван в армию. А через месяц был арестован как лидер подпольного кружка молодежи. Политическое дело было сфабриковано МГБ. По делу арестованы В.А. Красин, Е.Б. Федоров, И.Х. Шмаин, И.И. Калина и Ф.В. Карелин (провокактор). Постановлением Особого совещания при НКВД Бахтырев был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Большие сроки получили другие участники кружка. Великанова-Шмаина вспоминала: «Феликс Карелин стал вести в компании антисоветские разговоры. Они не то что возражали, но им это было неинтересно, не это для них было главным. Кроме того, он стал приставать к женщинам. Пройдя войну, он моей маме сказал: “Я разоблачил сеть шпионов!” То есть, он в СМЕРШе работал. Потом Феликс стал отдельно обрабатывать Витьку Красина, а Витька был человеком с бредовыми мыслями — единственный в компании с золотыми руками и разными познаниями. Он свободно говорил по-английски, причем сам выучился. С другой стороны, был очень легковверным и бестолковым. Феликс его отогнал от компании и внушил идею, что нужно проворачивать какие-то махинации, чтобы сбежать за границу. И вызвал его куда-то это обсуждать, спрятал магнитофон и все записал»².

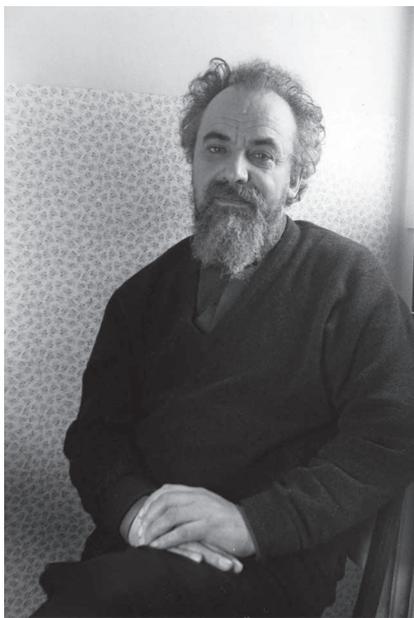
Карелин был сыном расстрелянного чекиста, который занимал высокие посты в ОГПУ-НКВД и курировал контрраз-

ведку³. Когда отца в 1937 году арестовали, взяли жену и двенадцатилетнего сына и превратили в провокаторов. Феликс Карелин стал в конце войны профессиональным сотрудником НКВД-МГБ, получавшим зарплату и имевшим звание. У него была форма, оружие — все, как подобает. «Однако, однажды с ним что-то произошло, он пришел к ребятам и сказал: “Я провокатор, я сделал из вас группу, и всех скоро арестуют”». Непонятно зачем пошел к тетке и матери Жени Федорова и рассказал им: «Сушите Женьке сухари!» А тетка была партийная, она поехала сразу в приемную МГБ и рассказала, что он сделал. Поэтому и его арестовали. Но перед ребятами он действительно покаялся. А если уж тетка сказала, то кому нужен такой секретный сотрудник, о котором всем известно?

Все остальные брали на себя вину: Кузьма говорил, что он организатор группы, папа на себя наговаривал... В общем, никто не сказал ни одного плохого слова про другого, поэтому, когда они вышли на свободу, встретились радостно, никакая тень не разделяла их. У моего папы была очная ставка с Феликсом, перед которой ему дали прочесть показания Феликса, и он с немалым интересом узнал, какой он антисоветчик. Потом следователь не то вышел, не то не заметил, и папа стал читать следующий лист, который оказался показаниями Феликса на его отца, скульптора Шан-Гирея, что он в целях террора выкалывал глаза статуям товарища Сталина. Понятно, что, будучи скульптором, он делал статуям зрачки. Это не восемь-десять лет, а расстрел. Следователь, заметив, что он читает, выхватил у него из рук дело и сказал: «Это не тебе, ты что!» Тут же ввели Феликса. Потрясенный папа, забывший о своей судьбе, сказал: «Феликс, что ты написал про этого скульптора? Что ты о нем рассказал? Ведь ты же убиваешь человека!» — тот ответил: «Ах, Илюша, если бы ты знал, что он сам о себе наговорил!». То есть, его пытали»⁴.

Члены кружка — Красин Виктор Александрович (1929), Федоров Евгений Борисович (1929) и Шмаин Илья Хананович (1930) — были арестованы 19 января 1949 года и приговорены ОСО к восьми годам ИТЛ (Красин за побег с этапа получил дополнительный срок). Калина Ирина Игнатьевна (1928) была арестована в апреле 1949 года, приговорена ОСО к пяти го-

дам ИТЛ. Карелин Феликс Владимирович (1925) был арестован в конце января 1949 года и приговорен ОСО к восьми годам ИТЛ. С 1949 по 1954 год Бахтырев отбывал наказание на общих работах в Степспецлаге, в районе Джезказгана, в медных и угольных шахтах. Будучи сиротой, посылок не получал. Неоднократно помещался в Барак усиленного режима (БУР), в больницу. Позже, в связи со смягчением режима, был этапирован в обычный лагерь — вблизи порта Ванино и Совгавани. Работал на строительстве судоремонтного завода и жилых домов. В 1954 году, после смерти Сталина, началось переследствие. Содержался в Лубянской и Лефортовской следственных тюрьмах. 2 октября 1954 года были сняты политические обвинения. Он был реабилитирован и освобожден⁵.

Илья Шмайн

Дочь Ильи Шмаина вспоминала: «Феликс находился в другом лагере, он сидел в одном бараке с Львом Николаевичем Гумилевым. От него набрался христианства. Как рассказывал Лев Николаевич, который относился к нему очень хорошо: «Он был такой еврей, знаете ли, недоучка — и сразу все! Этот Феликс, я ему еще Евангелия не рассказал целиком, а он уже бежал проповедовать, не крещенный еще!» Потом он его крестил, был крестным. В 1955 году из лагеря приехал и встретился с моей мамой возле нашего дома Лев Консон, впоследствии известный писатель в Израиле, а тогда только что освободившейся молодой зек. Он привез маме письмо от Феликса Карелина и его фотографию. Мама спросила: «А Феликс еще не выходит?» — «Когда он выйдет, кто знает? У него двадцать пять лет срок!» Мама ахнула, говорит: «Почему?»⁶.

Лев Консон (1927–2005) был узником сталинских лагерей. На фронте во время войны погибли отец и брат. В 1943 году шестнадцатилетним юношей был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Пока шло следствие, находился во внутренней тюрьме Лубянки. Был помещен в одиночный бокс, где можно было только сидеть и стоять. Объявил голодовку и был переведен в общую камеру. Там произошло знакомство с писателем Аркадием Белинковым. Был осужден и направлен на Дальний Восток, в Совгавань. В 1949 году в Озерлаг. В лагере находились французы, испанцы, японцы, матрос из Израиля. Возникла группа молодых заключенных разных национальностей, в состав которой вошел и Консон.

Когда на лагпункт прибыл лейтенант Красной Армии, а затем «власовец» Энгельс Слученков⁷ (лагерная кличка «Глеб»), знакомый Консона по штрафной колонне, он стал руководителем группы, а Феликс Карелин — его помощником. Была разработана программа, устав, и даже прозвучали клятвы. В какой-то момент они поняли, что среди них провокатор. Тогда Феликс объявил, что знает человека, который на них стучит. «А как докажешь?» — «Убью его, казню». Подумали и сказали: «Да, надо, чтобы ты его убил. Тогда ясно, что это не ты, а он». Потому что тот человек в отчаянии указал на Феликса. И Феликс убил его заточкой, нанеся четырнадцать ранений. И был немедленно арестован внутренним лагерным следствием, получил двадцать пять лет, но не расстрел. Из показаний на следствии выяснилось, что Феликс был провокатором. После этого вся группа была заперта в Барак усиленного режима (БУР), а потом отправлена в Центральный Тайшетский следственный изолятор. Слученков всю ответственность за дела организации и за убийство взял на себя. Сидел в камере смертников, потом приговор заменили и отправили его в Джезказган. Весной 1954 года он принял активное участие в восстании заключенных в концлагере Кенгир.

Консон два года провел в одиночной камере. Пытался бежать из лагеря, но был пойман. В 1955 году был освобожден и направлен в ссылку на поселение в Казачинский район Красноярского края. Работал на прокладке дорог в тайге и на лесоповале. Вернулся в Москву, женился на Елене Суриц, внучке пер-

вого советского посла в Афганистане Якова Сурица. Принял крещение у священника Александра Меня, которому поведал лагерную историю с участием Феликса Карелина. В 1983 году Консон эмигрировал в Израиль⁸. Часть срока Карелину была заменена ссылкой, и в 1958 году он освободился, но тогда еще не был реабилитирован...

Феликс был изломанным человеком, темпераментным и страстным. Он мог, как в народе говорят, «по книжке говорить» — много часов. Будучи человеком со схематическим складом ума, как вспоминал священник Александр Мень, он мог бы принести много пользы и для Церкви, и для дела, если бы не его безудержная натура. Освободившись, женился на актрисе, которая получила распределение в Иркутск, и отправился с ней работать в театре. Там он узнал о Мене и Якунине, которые в то время жили и учились в Иркутске. Пытался их найти. По рассказам составил превратное представление о Мене, воображая, что он визионер или мечтательно настроенный человек. И только в начале 60-х годов в Москве Якунин его разыскал и привел к отцу Александру на приход.

Позже отец Александр вспоминал: «Карелин отвел меня в отдельную комнатку и сразу стал рассказывать, как он сидел в одиночке, как там, тоскуя, начертил на стене шестиконечную звезду и стал над ней размышлять. И у него возникли системы мироздания, системы искупления. Я на него смотрел с такой скорбью — как смотрят на умалишенных. Он быстро все смекнул и больше мне этой «крутистики» не излагал. Но Глеб был им прельщен, и в Москве прокатилась волна восторгов вокруг Феликса. Он устраивал публичные толкования Апокалипсиса и книги Даниила. Все пребывали от него в полном упоении, а через месяц почему-то выгоняли из дома. Так произошло и с Анатолием Васильевичем Ведерниковым, и со многими другими. Он сначала производил исключительно хорошее впечатление, а потом — столь же исключительно отвратительное»⁹.

Бродильный процесс в советском обществе набирал силу с начала 60-х годов. Процесс над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем стал первым громким политическим процессом начинавшейся брежневской эпохи. Писатели несколько лет тайно публиковали за границей свои рассказы и повести. Их

*Процесс
над Андреем Синявским
и Юлием Даниэлем*

псевдонимы Абрам Терц и Николай Аржак были раскрыты органами госбезопасности. Обоих писателей-«подпольщиков» арестовали в сентябре 1965 года и предъявили обвинение в «антисоветской агитации и пропаганде» (статья 70 Уголовного кодекса РСФСР). В печати развернулась «разоблачительная» кампания. Но она вызвала совсем

не те результаты, на которые рассчитывала власть. Не только за рубежом, но и в СССР начались общественные выступления в защиту арестованных писателей. Дело Синявского и Даниэля (как и за два года до этого дело Иосифа Бродского) вызвало резонанс не только в литературных кругах. В официальные советские инстанции были направлены десятки индивидуальных и коллективных обращений против преследований по политическим мотивам. Необычным стал «митинг гласности», состоявшийся 5 декабря 1965 года в центре столицы — на Пушкинской площади. Одним из лозунгов стало требование соблюдать процессуальные нормы: предстоящий процесс над Синявским и Даниэлем не должен быть тайной и безгласной расправой.

В феврале 1966 Верховный суд РСФСР приговорил Андрея Синявского к семи годам лишения свободы, Юлию Даниэля — к пяти. Огромное значение, как отметил писатель Варлам Шаламов в «Письме к старому другу», имело мужественное поведение подсудимых на процессе. Писатель, проведенный в сталинских тюрьмах и лагерях более двадцати лет, писал: «...Процесс Синявского — первый открытый политический процесс при советской власти, когда обвиняемые от начала до конца — от предварительного следствия до последнего слова подсудимых — не признавали себя виновными и приняли приговор как настоящие люди. Обвиняемым по сорок лет — оптимальный вариант возраста подсудимого на политическом процессе. Первый процесс за четыре с лишним десятилетия. Не мудрено, что к нему приковано внимание всего мира. Со времени дела правых эсеров — легендарных уже героев революционной России — это первый политический (такой) процесс.

Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения... У нас с тобой в памяти бесконечно омерзительные «раскаяния», «показания», «исповеди» героев процессов 30-х годов, таинственных процессов, сама организация которых скрыта от нашего общества. А ведь это не гротеск, не научная фантастика. Тайна, которую все знают и которую государство не хочет раскрыть в очередном покаянном заявлении. Ибо покаянные заявления бывают не только у частных лиц, но и у государств. XX и XXII съезды партии были такими покаянными заявлениями, вынужденными, правда, но все же покаянными. Пресловутых «признаний» в этом процессе нет. Это первый процесс без этой преступной «специфики», которой дышало сталинское время — не только каждый суд, но каждое учреждение, каждая коммунальная квартира...»¹⁰

Александр Гинзбург

Андрей Синявский превратил последнее слово в манифест свободы творчества. Материалы, связанные с делом писателей — отечественные и зарубежные выступления в их защиту, запись процесса, статьи советской и иностранной прессы — были собраны Александром Гинзбургом осенью 1966 года в документальный сборник, изданный в декабре того же года за рубежом под названием «Белая книга». Процесс Синявского и Даниэля привел к объединению отдельных интеллигентских кружков, началось серьезное осмысление идеи права, а также прав и свобод человека. Историки связывают возникновение в СССР общественного движения в защиту прав человека с событиями вокруг дела двух писателей.

Следующий процесс над инакомыслящими год спустя прошел в Ленинграде. Наибо-

*Андрей Синявский (справа)
и Юлий Даниэль в лагере*